УДК 316.42(571.6)

Шиян Виктор Никитович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и политологии Дальневосточного института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (г. Хабаровск). *Тел.: (4212) 31 59 75*

В.Н. Шиян
V.N. Shiyan

Социальные ресурсы Российского Дальнего Востока в его стратегической модернизации

В анализе возможностей и направлений стратегического развития территориальных комплексов широкое развитие получил ресурсный подход. На его основе исследуются образующиеся в процессе взаимодействия властных, экономических, территориально-географических, технических, идеологических и других организационных отношений системы общественных связей. Обращение к ресурсному подходу означает некий методологический уровень научного исследования, для которого характерны черты системности, целостности анализа, выделения специфических аспектов детерминации рассматриваемых вопросов. При исследовании социальных ресурсов преимущественное внимание уделяется вопросам роли и значимости человеческого фактора в территориальных интеграционных процессах, а также деятельности людей в разработке и практической реализации ими своих стратегических и тактических целей, смыслов достижения конечных результатов. В практике разработок и реализации стратегий развития Дальнего Востока ресурсный подход использовался всегда. В предлагаемой статье рассматриваются основные условия и особенности его применения в процессе современной модернизации социальной жизни Российского Дальнего Востока.

Social resources of the Russian Far East in its strategic modernization

In the analysis of the opportunities and directions of strategic development of the territorial complexes broad development was received by the resource approach. On its basis the systems of public relations which are formed in the course of interaction of imperious, economic, territorial and geographical, technical, ideological and the other organizational relations are researched. The appeal to the resource approach means a certain methodological level of scientific research for which the lines of systemacity, integrity of the analysis, allocation of specific aspects of determination of the cases in point are characteristic. At the research of social resources the primary attention is paid to the questions of a role and importance of a human factor in the territorial integration processes, and also the activity of people in the development and practical realization of the strategic

and tactical targets, meanings of achievement of the end results by them. In practice of development and realization of the strategy of development of the Far-East the resource approach was always used. In the offered article the main conditions and features of its application in the course of modern modernization of social life of the Russian Far East are considered.

Ключевые слова: *ресурсный подход, социальные ресурсы, состояние социальных ресурсов Российского Дальнего Востока, отношение к социальным ресурсам, современные ресурсные проблемы социальных вопросов Российского Дальнего Востока.*

Keywords: *resource approach, social resources, condition of social resources of the Russian Far East, relation to social resources, modern resource problems of social problems of the Russian Far East.*

Актуальность ресурсного подхода. В современной системе управления *ресурсы* анализируются преимущественно в масштабах неких территориальных, экономических, финансовых, технических и других комплексов, образующихся на основе их взаимосвязей и взаимодействия. Как правило, в системах управления *социальные ресурсы* рассматриваются в качестве *человеческого* фактора среды жизнедеятельности, создающего возможность функционирования и развития *комплекса* анализируемых объектов и процессов. При этом, социальные ресурсы в структуре анализируемых *комплексов* обеспечивают *триединую* задачу их функционирования: увязывают властные, экономические, технические и другие организационные *возможности, имеющиеся* у субъектов конкретной деятельности с содержанием этой деятельности и с достигаемыми результатами их функционирования (развития). В такой *триединой* интеграционной функции социальные факторы сами выполняют роль, во-первых, *целевого* и *смыслового ресурса* создания и существования таких комплексов, во-вторых, обеспечивают в процессе своей деятельности *реализацию имеющихся* и *создаваемых возможностей*. Другими словами, социальные факторы представляют собой одновременно *организационный, интеграционный, целевой, смысловой и деятельностный* ресурс функционирования территориальных и общественных комплексов.

В нашей стране ресурсный подход использовался ещё в прошлые столетия при разработке методологии освоения территорий нового развития. Одной из центральных проблем обращения к *ресурсному* подходу выступает необходимость соблюдения *пропорциональности* и некой *оптимальности пространственно-временных аспектов* развития анализируемых территорий, отраслей и отдельных комплексов соответственно их стратегическим и текущим задачам. При этом, учитываются и другие общие и специфические геополитические цели. Сюда входят вопросы общей характеристики осваиваемых (развиваемых) территорий, методы (способы) их освоения

(развития), воспроизводственные процессы самих ресурсов и многие другие постановочные и исследовательские проблемы.

К ресурсному подходу активно обращались при разработке всех стратегий социально-экономического развития Дальнего Востока в процессе подготовки *замыслов*, *программ* и *планов* их реализации. Рассмотрение социальных факторов как своеобразного ресурса характеризует определенный *уровень методологии* исследования территорий: *культуры анализа* их возможностей, *учета* разнообразных *вариантов* развития событий, *способности* субъектов управления *предвидеть* динамичность ситуации и *действия* участвующих в них *человеческих факторов*, создавать *необходимые условия* для *специфического функционирования* и *развития населения*, *предотвращать* легитимными и достойными способами *возникновение негативных социальных тенденций* и пр.

До конца XIX – начала XX столетий в качестве ведущих (приоритетных) *ресурсов* Дальнего Востока рассматривались обширные территории с находящимися на них и содержащимися в их недрах природными богатствами. Вспомним «крылатые слова» М.В. Ломоносова о том, что богатства России будут прирастать Сибирью, сказанные в те времена, когда к ней относили все восточные территории нашей страны. Сам по себе дальневосточник преимущественно не рассматривался с позиции его *самоценности*. Методологические и эмпирические основания для такого отношения к нему коренятся в содержании качественного состава наличного здесь населения. Впервые в российской истории идеи и ориентиры по социальному обустройству дальневосточных территорий более-менее внятно прозвучали в программе системного реформирования нашей страны, предложенной П.А. Столыпиным. Отвлекаясь от многих связанных с этими событиями аспектов, остановимся на двух из них. *Во-первых*, он предполагал осуществить свои предложения в процессе и путём государственно-правовой модернизации всей жизни нашей страны. Подчеркивая важнейшую роль Дальнего Востока для России, в качестве главного направления своих *великих* преобразований он всё же видел закрепление за нашей страной приоритетов в отношениях с Западом. Этот подход, учитывая многие исторические, геополитические, экономические, коммуникационные, этнические, духовные и другие культурные связи, продолжает доминировать и в современной России. То есть, нельзя в этом вопросе *обольщаться* многими *лестными оценками* со стороны Столыпина и его последователей в адрес важности дальневосточных территорий для нашей страны. *Во-вторых*, этот либеральный реформатор видел «преобразованный» Дальний Восток на началах нового хозяйственного обустройства, освобожденного от *российской общины*, которая, по его убеждениям, является основным препятствием появления и выращивания в стране *энергичного и трудолюбивого класса крестьянства* (говоря современным языком – *фермеров)*. Именно в решении этого вопроса коренится основная *социальная проблема* оценки как содержания, так и направленности преобразований, предлагаемых этим автором. Нельзя отменить того факта, что в истории не существует

сослагательных вариантов течения событий. Неизвестно, как бы повели себя крестьянские «социальные силы», выросшие на началах либерализма и предпринимательства, в условиях необходимости мощной и резкой смены экономической направленности нашей страны в сторону *индустриализации и милитаризации* всей её хозяйственной системы, которые диктовались внешнеполитическими (международными) обстоятельствами. Не известен истории и тот факт, в какой мере быстрыми темпами смог бы развиться класс энергичного и добросовестного крестьянства, да ещё и повсеместно, и какую геополитическую картину в этом варианте событий имели бы современные территории Евразии. Хорошо лишь то известно, что многие положения предложенных П.А. Столыпиным форм привлечения населения на Дальний Восток получили организационное, правовое и социальное закрепление не только в отношении к крестьянству (и не только в отношении россиян). Но они ещё долгое время сохраняли свою мобилизационную привлекательность для анализов динамики трудовых ресурсов [1, с. 63 – 71].

В современных условиях стратегической модернизации Российского Дальнего Востока возрастает значимость исследования интеграционных, целевых, смысловых и деятельностных факторов функционирования этих территорий. Эти обстоятельства актуализируют необходимость обращения к ресурсной методологии анализа состояния их социальных факторов, а также отношения к ним со стороны властных, экономических и других организационных структур.

Состояние социальных ресурсов Российского Дальнего Востока и отношение к ним с позиции его модернизации. Обобщение результатов освоения территорий и их сравнение позволяют оценить практику этой деятельности на Российском Дальнем Востоке. На основе такого анализа сделаны выводы, что освоение новых территорий, проходившее на разных континентах в XVII – XIX столетиях, осуществлялось, в основном, маргинальными слоями населения: безземельными крестьянами, религиозными «раскольниками», авантюристами, ссыльными преступниками. Такой состав первых переселенцев был характерен и для Сибири, и для Северной Америки, и для Австралии. Этой «волне» искателей свободы и перемен были характерны, с одной стороны, жизнестойкость, предприимчивость; а с другой стороны, они не отличались высоким уровнем образования и законопослушности [9, с. 64].

Здесь следует уточнить, что в составе первых переселенцев, осваивающих просторы Сибири и Дальнего Востока, помимо названных выше социальных слоёв, были широко представлены казаки, землепашцы, торговые люди, промышленники и другие, составлявшие немалую долю формируемых организационных структур этих территорий [12, с. 21]. Другое дело состоит в том, насколько эффективно находил практическое применение их богатый организационный опыт в общих интересах власти и населения. Факты свидетельствуют, о том, что многие элементы отчуждения власти, бизнеса и общества друг от друга проявлялись уже и в те периоды жизни России. Чего стоит ознакомление с мытарствами, которые испытывали

крестьяне в своих жизненных странствиях [8, с. 308 – 344]. Об этом же свидетельствует и социальная практика освоения Дальневосточных территорий, проблемы которой заставляли организующие их инстанции неоднократно изменять, совершенствовать, дополнять, оптимизировать её.

Совершенные в XIX – XX столетиях изменения в экономическом, техническом, правовом и других базисах культуры позволили большинству стран в существенной мере продвинуться в улучшении качественных характеристик своих социальных ресурсов в области образования, сохранения и улучшения здоровья, обеспечения социальной защиты населения, повышения качества жизни людей. Этого добились и страны с сырьевой ориентацией своей экономики. К таким относятся Норвегия, Австралия, Канада и некоторые другие, занимавшие ранее не лучшие места в составе сырьевых стран.

Другие тенденции имели место в социально-экономической жизни России, включая и её дальневосточные территории. Программы и планы социально-экономического развития страны и её регионов в 70-е – 80-е гг. прошлого столетия выполнялись с большими трудностями, с издержками и лишь частично. Согласно долговременной Государственной программе развития и размещения производительных сил и транспортного обеспечения Дальневосточного экономического района и Забайкалья до 2000 г., рассчитанной на 15 предшествующих этому времени лет, экономический рост в них должен был составить *250%*. Были в ней и другие подобные – *немыслимые* для нормальной экономической деятельности – «*новации*». Уже в 80-е гг. такие предположения экономического развития были признаны *неправомерными*, тем более они были неверны для дальневосточной экономики. Она была слишком зависима от общей ситуации в стране, поскольку основным источником развития Дальнего Востока должны были оставаться централизованные государственные фонды и государственный бюджет. К началу 1990-х гг. стало *очевидно*, что заложенные в этой Программе экономические и социальные ориентиры ошибочны.

Экономические трудности страны серьёзно отразились на состоянии социальных ресурсов дальневосточных территорий. Существенно ухудшились условия, необходимые для воспроизводства человеческого капитала. Последнее выразилось в: снижении величины доходов населения относительно среднероссийских значений; падении относительной величины бюджетных расходов на душу населения; росте уровня смертности по внешним (социальным) причинам; ухудшении экологической обстановки; росте уровня преступности в сравнении со среднероссийскими показателями и др. [10, с. 276 – 316]. Эти процессы выступили побудительными мотивами для изменения направленности миграционных потоков – оттоку населения с Дальнего Востока в западные и южные регионы страны.

О неудовлетворительном состоянии социальных ресурсов на Российском Дальнем Востоке говорит признание в Государственной

программе социально-экономического развития этого макрорегиона наличия на его территории процессов *анклавизации*. При этом, интересно отметить, что среди названных в этом документе причин анклавизации преимущественное внимание привлечено к техническим и другим подобным факторам, но не к социальным аспектам жизнедеятельности его населения.

Функции социальных ресурсов выполняют, прежде всего, общественные структуры, непосредственно связанные с жизнедеятельностью населения этой территории, а также обслуживающий персонал их организационных структур. Сюда следует отнести: систему образования и её персонал; систему здравоохранения и её персонал; систему коммунальных отраслей хозяйства и персонал его сетей; торговлю и общественное питание; сферы обслуживания духовных потребностей человека (искусство, спорт, информационные ресурсы, средства массовых коммуникаций и пр.); структуры социальной защиты и поддержки населения; науку, а также многие другие отрасли. Новые времена привнесли в наше время иные проблемы, которые зачастую являются «видоизмененными прежними». Ныне уже не ведется речь о разрешении социальных противоречий между физическим и умственным трудом, между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством. Уже не ставятся напрямую задачи о достижении социального равенства и состояния социальной однородности нашего общества. Эти проблемы «спрятались» в таких аспектах организации жизнедеятельности населения, как доступность людей (отдельных категорий граждан) к тем или иным ценностям, достижение минимальной оплатой труда ряда работников уровня их прожиточного минимума, обеспечение работникам бюджетных сфер оплаты труда средних её уровней по отдельным отраслям и территориям и т.д. Сегодня ведется целая «борьба» (правда, говорят, что неантагонистическая) по поводу сокращения разрыва между немногочисленными социальными группами (но стремящимися к расширению своих рядов), занимающими верхние строчки во владении и распоряжении 10% богатств нашей страны (прежде всего, в сфере финансов), и многочисленной, но также расширяющейся (путем *естественной самоорганизации* экономических процессов) когортой владеющих и распоряжающихся долей менее 10% таких богатств. То есть, социальных проблем неравенства ныне не надо создавать «искусственно», они *планомерно* (т. е. осмысленно, осознанно) предусматриваются правовыми нормами организации нашего общества. Строгой, хорошо систематизированной и доступной информации по всем этим острым социальным дальневосточным вопросам и о состоянии дел по практике их решения в открытой печати нет. Вместе с тем, можно составить достаточно полную картину о значительных усилиях, предпринимаемых властными и другими организационными структурами по решению этих вопросов, а также об имеющихся проблемах в этой сфере жизни Дальнего Востока.

Наряду с выяснением вопросов о состоянии социальных ресурсов, требуют к себе специального внимания проблемы *отношений* к ним. Сами *отношения к социальным ресурсам* (и, естественно, к их субъектам как

«носителям») выступают важнейшим побудительным мотивом и ориентиром в деятельности населения. Следует первоначально отметить, что они, в силу специфики своего функционирования и развития (говоря научным языком – по своей *природе*), весьма инерционны и консервативны. Содержание инерционности и консерватизма этих отношений основывается на наличии в них связей с базовыми ценностями жизнедеятельности населения, что создает предпосылки для формирования своеобразных традиций, глубоких социально-психологических переживаний, стереотипов поведения, верований и убеждений. Как трогательно и расчетливо относился к *естественной природе* проводник военного топографа В.К. Арсеньева талантливый и умелый Дерсу Узала! Но ведь такое отношение закладывается всей многоаспектной гаммой жизни коренного населения, которая состоит не только из её *удачных моментов*, а включает в себя также и другие жизненные проблемы и противоречия [3]. К глубокому сожалению, данный элемент отношений как социальный ресурс в процессе эволюции этих территорий, вероятнее всего, *естественным* течением времени будет продолжать сокращать сферу своего социального воздействия. Говоря об отношении к социальным ресурсам, следует «*вспомнить*» о социальных статусах, которые ещё несколько десятилетий назад занимали медицинские работники, учителя, грамотные и заботливые руководители, работники служб безопасности, военные, авторитетные труженики и многие другие, являясь прочными связующими звеньями в отношениях общества и власти. В механизмах создания таких звеньев учитывались современные для того времени потребности формирования духовных статусов и авторитетных специалистов для дальневосточных территорий. Были они известны и в рабочих кругах, и на жилмассивах, и на площадках народных гуляний, и в кабинетах чиновников. В этих социальных делах не забывались общественные потребности по ориентации населения на дальневосточные ценности, по разработке стимулов приглашения в эти регионы новых потоков мигрантов и их жизненного закрепления здесь. В целях и смыслах этой организационной деятельности содержались заботы о качественном составе населения [6].

Другая сторона вопроса об отношении к дальневосточным социальным ресурсам состоит в том, что в нем содержится немало тех аспектов, которые могут служить основанием для формирования разнообразных негативных явлений и процессов. И на их «почве» тоже эволюционируют традиции, стереотипы, жизненно важные потребности и другие подобные ценности. *Амбивалентность* доброго и злого, правдивого и ложного, законопослушного и преступного не ограничивается лишь сферами прекрасного и безобразного. Она проникает во все сферы жизни людей и охватывает все её территории. Против неё к настоящему времени известны лишь два действенных средства. *Первое* называется нравственностью, охватывая многие области морали и связанные с ними отношения совести, идущие от самого человека, его убеждений, верований, воспитания. *Второе* характеризует отношения добропорядочности, включая в себя *ответственность* людей за себя, за ближайшее окружение и тех, которых

каждый человек способен охватить в силу своих *культурны*х возможностей и *духовных* ресурсов, от уровня своей социализации. Второе в современных условиях иногда называют *общественной моралью*, хотя и считается, что по поводу названий не стоит спорить. Эти средства взаимосвязаны между собой, имея некоторые специфические особенности действия. Нравственность в значительной степени базируется на народно-демократических основаниях. Добропорядочность более полно и широко характеризует организационные основы жизнедеятельности людей, распространяясь, соответственно, и на те сферы управленческих структур и социальных институтов, которые недоступны непосредственному социальному воздействию морали. Поэтому в социальной практике утвердилась формула *двуединого* рассмотрения таких средств, как мораль и права. Это двуединство выступает важнейшим социальным ресурсом, укрепляющим позитивное взаимодействие власти и общества. Обратимся по этому поводу к некоторым примерам из жизни Дальнего Востока.

В начале этой статьи обращалось внимание на качественный состав социальных групп, с которых обычно начинались процессы освоения новых территорий. Имели место они и на просторах Дальнего Востока. Так, население о. Сахалина на 1 января 1900 г. составляло38230 чел., в том числе ссыльных – 23062 чел., из которых ссыльно-каторжных – 5822 чел., ссыльных переселенцев – 9377 чел. и крестьян из ссыльных – 7863 чел. Основными «населенными пунктами» на нем являлись тюрьмы. Ссыльно-каторжное население работало на угледобыче, на лесосеках и строительстве дорог. Почти всё вольное население острова состояло из бывших каторжан, которые занимались преимущественно земледелием [2, с.17]. Многие отрасли и специализирующиеся на них дальневосточные территории были охвачены значительными объемами привлечения «спецконтингента». Среди видов его работ преобладали лесозаготовки, автомобильные и железнодорожные строительные работы, гражданское строительство, добыча полезных ископаемых и многие другие «нетворческие виды труда». По дальневосточным территориям, помимо уже упомянутого о. Сахалина, следует особо отметить магаданские просторы, морское побережье, трассы Транссиба и БАМа, стройки новых городов (включая г. Комсомольск-на-Амуре) и пр. [5].

Решать серьезные хозяйственно-экономические, технико-технологические и другие *культурные* задачи на такой социальной базе было весьма сложно или даже почти невозможно. Вопросы качественного повышения уровня культуры привлекаемого сюда состава дальневосточников существенно определяют направленность организационных мероприятий по формированию здесь населения со времен проведения в стране активной индустриализации. «Нивелировать» воздействие на формируемое под новые цели и задачи дальневосточных территорий контингенты населения как бы «параллельно» функционирующему спецконтингенту на определенном этапе жизни страны стало *невозможно*. Одной из мер преодоления возникшего социального

противоречия стало политическое решение органами власти *о снижении количественных поступлений на Дальний Восток ссыльного населения и ограниченного использования его в хозяйственно-экономической деятельности.* В настоящее время, когда решаются вопросы усиления значимости *инновационных* форм в организации жизни дальневосточников, со стороны властных органов также нужны подобные политические действия. Они могут быть предусмотрены при определении организационно-политических мер, предлагаемых сторонниками придания этому макрорегиону статуса особой территории с принятием соответствующего федерального закона [5, с. 14.]. Мириться и соглашаться с прежними подходами в территориально-административном разделении труда, когда Дальний Восток был своеобразной «кузницей кадров» и поставлял в западные регионы страны более качественную рабочую силу, в сравнении с худшей получаемой им для себя, уже нельзя. В своём организационно-творческом «запале» (или «порыве») привлечь на Российский Дальний Восток побольше населения демографы ныне «снижают планки социальных требований», увлекаясь, как нам представляется, количественными показателями в ущерб их качественным характеристикам.

Говоря об *отношениях* в системе социальных ресурсов дальневосточных территорий, необходимо подчеркивать, что они выходят далеко за пределы сферы трудовой деятельности, хотя она, бесспорно, является ведущей для достижения непосредственных экономических результатов. Социальные отношения, как уже отмечалось, пронизывают быт, досуг, образование, здравоохранение, социальное обслуживание, безопасность, правоохранительную деятельность и все другие сферы жизни населения. Взрослые и дети, пенсионеры и работающие, мужчины и женщины, люди различных этносов и верований систематически «пересекаются» по своим социальным характеристикам, создавая основу формирования и развития территорий своей жизнедеятельности. И здесь тоже необходим более целенаправленный и внимательный ресурсный социальный подход. Не первый год ведутся дискуссии о необходимости преодоления отношения к предпринимательству как спекуляции, воровству и обману. Многочисленны факты «разборок» в молодежной и бытовой среде на почве непонимания специфики *культурного* поведения представителями различных социальных групп (поселенческих, поведенческих, статусных и пр.). Их решений ожидают массы дел (потоки которых «с нарастающим итогом» только увеличиваются) в правоохранительных органах. Ими «забиты» суды, прокуратуры, следственные и другие органы, имеющие отношение к этим вопросам. Наряду с государственными органами и их подразделениями, создаются многообразные формы негосударственных институтов. Все участвующие в этих отношениях стороны часто терпеливо а иногда и не очень ждут правильных (и справедливых для них) решений социальных вопросов, уже своим наличием (самим существованием) «накаляя градус» социальных отношений.

Многие из отмеченных ситуаций «безболезненно» решаются при внимательном отношении к имеющимся в наличии у каждой территории социальным ресурсам, а также организации на этой основе конкретных форм деятельности населения. Факты свидетельствуют, что ресурсный подход способствует решению социальных проблем в целом, снижению социальной напряженности на рассматриваемой территории, оздоровлению на ней ситуаций с соблюдением правопорядка, относительно разгружает деятельность правоохранительных и связанных с ними гражданских институтов, позволяет более целенаправленно вести социальную работу со всеми слоями населения. Ещё одним положительным следствием такого подхода в современных условиях является возможность *легитимно* и эффективно (с пользой для общего дела) расширять круг субъектов, участвующих в решении социальных вопросов. Приведем такой пример. В г. Хабаровске в нынешнем году третий раз проводился Фестиваль национальных традиций, посвящаемый ежегодно Дню матери. Его организатором выступил Центр межнационального сотрудничества женщин «Дружба без границ». Фестиваль получил поддержку на конкурсе *муниципальных грантов* для социально ориентированных некоммерческих организаций в рамках муниципальных программ «Содействие развитию институтов и инициатив гражданского общества в городе Хабаровске» на 2014 – 2020 гг. Речь идет об одной из актуальных форм укрепления единства между *властью, бизнесом* и *обществом*. О них в настоящее время ведутся дискуссии, делается много предложений, но пока дело этим, преимущественно, и ограничивается. Практика свидетельствует, что эффективные решения дают те формы, которые идут в своей основе от интересов проживающего на данных территориях населения и увязываются с реальными стратегическими задачами их жизнедеятельности. Там, где власти и бизнес способны слушать и понимать друг друга. Социальный же «ресурс» готов всегда их поддержать в силу уровня развития своих интересов и состояния гражданского самосознания [4, с. 80 – 91].

К настоящему времени уже накоплено достаточно опыта взаимодействия власти, бизнеса и общества, позволяющего находить приемлемые решения совместных территориальных проблем. Сама практика функционирования территорий является прекрасной опытной базой их поисков. Обратимся к результатам разработки и реализации нынешней Стратегии процессов социально-экономического развития Дальнего Востока. Взять хотя бы постановку вопроса о формировании населения конкретных территорий. Каждому здравомыслящему специалисту в этих вопросах понятно, что они должны решаться с учетом хозяйственных специализаций этих территорий, их геополитических и других факторов, возникающих новых аспектов в стратегических направлениях развития страны. Относится ли это к обеспечению электричеством территорий нашей страны в национальных или региональных масштабах, либо эти вопросы ставятся по поводу продовольственной безопасности населения – каждый раз приходится конкретно учитывать *уровень* и *степень* воздействия этих процессов на

общие и частные стороны функционирования и развития страны, региона или их локальных характеристик. Здесь возникают вопросы не только по поводу обеспечения этих территорий электричеством или продовольствием, но и перераспределения этих ресурсов в смежных направлениях развития (например, топлива, транспортных средств, создания коммуникаций, безопасности жизнедеятельности и пр.) [11, с. 35 – 42]. И всегда они выходят на социальные проблемы, решение которых предполагает рассмотрение пространственно-временных вопросов обеспечения этой деятельности работниками конкретных специальностей и в конкретных объемах, создания для них и их семей нормальных условий жизнедеятельности и пр. При этом, надо ещё учесть экономические вопросы (рентабельность, производительность труда и др.), от которых будет зависеть оценка эффективности организации подобных видов работ, их конкурентоспособность и сам выбор вариантов организации всей деятельности (постоянные или временные формы поселений, вахтовые вагончики или благоустроенное жильё и т. д.). Здесь социальные вопросы основываются на технологических и многих других организационных отношениях. Другое дело, когда социальные отношения реализуются в непосредственных условиях взаимодействия конкретных людей. Нынешнее состояние модернизации дальневосточных территорий предполагает значительные оценки и переоценки имеющихся социальных условий и процессов с точки зрения их текущей и стратегической эффективности. Что-то надо сохранить и продолжить в будущем, от чего-то придётся решительно отказаться, как от груза прошлых времен, что-то необходимо будет воссоздавать и творить заново. И эта деятельность составляет важнейшую ресурсную проблему социальной дальневосточной современности. Современные ресурсы Дальнего Востока существенно отличаются от тех, что были ещё в середине прошлого столетия. Этот факт необходимо учитывать в стратегических разработках его социально-экономического развития.

Ресурсные социально-экономические проблемы стратегической модернизации Дальнего Востока. Для рассмотрения этого аспекта обратимся к текущему опыту её проведения. В частности, к рассмотрению некоторых её вопросов на заседаниях Дальневосточного дискуссионного клуба «Как жить и хозяйствовать на Дальнем Востоке?», действующего на базе Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС. 27 ноября 2015 г. его заседание было посвящено одной из ведущих проблем проведения этой стратегической модернизации – созданию территорий опережающего развития (далее – ТОР), включая весь комплекс мероприятий и мер по их организации, созданию условий для нормальной деятельности и пр. Здесь полезно будет отметить, что предложение по формированию таких территорий было одной из новаций, созданных уже в ходе реализации рассматриваемой Стратегии. Причем, эта новация была первоначально предложена относительно *дальневосточных* территорий и применительно к ним. Ныне она рассматривается в качестве эффективной меры и другими территориями нашей страны.

В ходе названного заседания клуба рассматриваемые на нем вопросы «естественным путем» (в силу их актуальности) сместились на проблемы организации деятельности территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), которые тоже являются новацией процесса по реализации этой Стратегии. Одной из центральных среди всех обсуждаемых на этом заседании проблем стала тема затрат на социальное обустройство ТОСЭР. По имеющимся в настоящее время расчетам, они составляют половину и даже большую часть от всех затрат на их организацию. При анализе этого вопроса В.К. Заусаев (директор Института рынка Минвостокразвития РФ, г. Хабаровск) высказал опасение, что, хотя предлагаемое сокращение сроков окупаемости проектов ТОСЭР выступает хорошим стимулом их организации, но для социальной части они (до восьми лет) очень велики. Ю.Ф. Матвеев (зам. председателя Законодательной думы Хабаровского края) рассказал о социальных изменениях, происходивших в г. Комсомольске-на-Амуре в 60 – 70-е гг. прошлого столетия, их положительном воздействии на социально-психологический климат в городе, коснувшись при этом предстоящих обустройств набережной р. Амура и их ожидаемом влиянии на решение экологических проблем города. Тему актуальности решения экологических проблем для Стратегии дальневосточной модернизации продолжила З.Г. Мирзеханова (Институт водных экологических проблем ДВО РАН, г. Хабаровск). Она подчеркнула важность и актуальность обращения к имеющемуся опыту решения социальных экологических проблем региона, который получен в ходе проведения многих интересных и полезных акций в предшествующие десятилетия.

В процессе обсуждения неоднократно отмечалась актуальность для Стратегии рассмотрения и решения социальных её проблем. Подчеркивалось, что многие из них обнаруживаются в ходе решения экономических, финансовых, правовых и прочих вопросов, но именно они чаще всего затрудняют движение вперед к новым целям и задачам, препятствуя вовлечению в действие новых ресурсов. Именно вовлечение в действие ряда социальных инициатив в области предоставления российским и зарубежным инвесторам возможностей для своей деятельности (торговля, оказание бытовых и других услуг и пр.) позволило привлечь на дальневосточные территории дополнительные средства и ресурсы. Причем, практика опоры на социальные ресурсы позволяет не только выявить имеющиеся проблемы, но, зачастую, обнаружить пути и способы их устранения.

В качестве необходимого и неизбежного социального ресурса современной стратегии модернизации следует рассматривать взаимодействие дальневосточных территорий со своими отечественными соседями, другими территориями страны. Актуальность его возросла в условиях реализации политики импортозамещения. Но эффективное социальное взаимодействие не ограничивается экономическими вопросами, о чем свидетельствует сотрудничество с Беларусью, г. Санкт-Петербургом, Уралом, Поволжьем и другими территориями.

В потоке социальных ресурсов российских дальневосточников необходимыми и закономерными составляющими компонентами выступают деятельность и опыт зарубежных партнёров, прежде всего, ближайших соседей азиатского круга. Без этого невозможно будет решить многие производственные, технологические, финансовые, коммуникационные, информационные и прочие вопросы, на которых полагается функционирование и развитие социальных процессов. Главное здесь состоит в том, что без их решения Российский Дальний Восток никогда не станет *органичным* компонентом АТР.

Литература и источники:

1. Аграрная реформа П.А. Столыпина и ее значение на Дальнем Востоке России // Исторический опыт аграрных реформ в Сибири и на Дальнем Востоке. – Благовещенск, 2007. – С. 63 – 71.

2. Алексеев, А. И. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.) / А. И. Алексеев, Б. Н. Морозов. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.

3. Антология фольклора народностей Сибири, Севера и Дальнего Востока / составитель В. М. Санги. – Красноярское книжное издательство, 1989.

4. Байков, Н.М. Социальная активность населения как показатель состояния его гражданского самосознания / Н. М. Байков, Ю. В. Березутский // Власть и управление на Востоке России. – 2015. – № 3. – С. 80 – 91.

5. Дальлаг (Дальневосточный исправительно-трудовой лагерь) ru.wikipedia.org>Дальлаг

6 Дубинина, Н. И. Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территорий / Н. И. Дубинина. – Хабаровск, 2001.

7. Ефременко, В. Ф. Дискуссионная площадка: Как жить и хозяйствовать на Дальнем Востоке России? Проблемы демографического воспроизводства населения на Дальнем Востоке в условиях экономического роста / В. Ф. Ефременко, В. К. Заусаев, Н. М. Байков и др. // Власть и управление на Востоке России. – 2015. – № 2. – С. 8 – 18.

8.Зверев, К. Е. Русский крестьянин, вечный мигрант / К. Е. Зверев, В. А. Зверев // Проблемы исторической демографии Сибири : сборник научных трудов. Ин-т истории СО РАН. – Выпуск 3. – Новосибирск : Параллель, 2013. – 344 с.

9. Россия: восточный вектор. Предложения и стратегии развития Сибири и Дальнего Востока : аналитический доклад / под ред. В. С. Ефимова, В. А. Крюкова. – Красноярск : Сиб. фед. ун-т, 2012. – 92 с.

10. Федеральные округа России. Региональная экономика / коллектив авторов, под ред. В. Г. Глушковой и Ю. Г. Симагина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : КНОРУС, 2013.

11.Чичканов, В. П. Анализ роли и места электроэнергетики в национальном и региональном развитии / В. П. Чичканов, А. В. Семиколенов // Власть и управление на Востоке России. – 2015. – № 2. – С. 35 – 42.

12. Шиян, В. Н. Дальневосточные ориентиры России / В. Н. Шиян // Власть и управление на Востоке России. – 2014. – № 3. С. 19 – 27.